

Когда министр общественных работ произнёс эти слова, его тон был совершенно спокойным. В нём не чувствовалось ни малейшего намека на то, что это заговор против конкретного чиновника, — это звучало так, будто он просто интересуется, хорошо ли Цзинь Линьюэ поужинал сегодня вечером. Затем он продолжил:

— К тому же, я слышал, что император велел Судебному приказу Дали бросить Министра чинов в темницу. Тот определенно замешан в смерти старого министра. Раз уж сошлись оба обстоятельства, боюсь, ему будет трудно отмыться дочиста.

— Зачем идти против него? — притворившись непонимающим, спросил Цзинь Линьюэ.

— Ты прибыл сюда совсем недавно и еще не знаешь всех подводных камней. Этот Министр чинов — настоящая бешенная собака под началом левого премьер-министра. Если он молчит, то молчит, но стоит ему подать голос — с наших людей тут же сдирают шкуру. Сколько наших людей он перетасовал за столько лет туда и обратно — он, наверное, и сам уже не помнит. И хотя полностью сбросить его со счетов пока не удастся, делать так, чтобы время от времени он мучился, — занятие весьма приятное.

Цзинь Линьюэ опустил взгляд и молча слушал, но вдруг произнес:

— На самом деле, если правый премьер-министр и впрямь не может его выносить, он вполне мог бы найти возможность и напрямую ун... — Цзинь Линьюэ поднял голову и сделал жест, имитирующий перерезание горла.

Как мог министр общественных работ не понять смысл слов Цзинь Линьюэ? Он рассмеялся:

— Ха-ха, с чего ты взял, что этого не пытались сделать? Ха-ха, я шучу, не принимай всерьез.

Цзинь Линьюэ испытал легкий шок.

Бай Юйхуэй всё-таки был Министром чинов.

Министром чинов!

Эти люди действительно рассматривали подобную мысль?

Сама собой перед глазами Цзинь Линьюэ возникла картина шрамов на спине Бай Юйхуэя, и вмиг на душе у него смешались самые разные чувства.

— Господин Цзинь, мне нужно отправить письмо правому премьер-министру. Мы всё хорошенько обдумаем и посмотрим, удастся ли нам прихватить того чиновника из ведомства чинов с собой в могилу.

Цзинь Линьюэ поджал губы и наконец вымолвил:

— Хорошо.

Он явился при дворе с двумя целями. Во-первых, посмотреть, не тот ли самый прославленный Бай Юйхуэй разыскиваемый им старший соученик. Во-вторых — помочь правому премьер-министру, такова была его миссия.

Поэтому, даже несмотря на то, что сейчас на душе скребли кошки, высказать это вслух он так и не смог.

Министр общественных работ бросил взгляд на Плаксу, спавшего на кровати, и обратился к Цзинь Линьюэ:

— Время уже позднее, господину Цзиню пора в свою комнату отдыхать.

Цзинь Линьюэ спросил:

— Как господин намерен поступить с этим ребенком?

— Пусть переночует здесь, а завтра поищем подходящую семью, чтобы пристроить его на воспитание. Одному ему не выжить.

Заговорив о Плаксе, министр общественных работ тут же смягчился.

Казалось, будто тот суровый и безжалостный человек, что только что беседовал с Цзинь Линьюэ, и он сам — вовсе не одно лицо.

Цзинь Линьюэ отдал положенный поклон и ушел к себе.

В комнате царила тишина. Бай Юйхуэй спал крепким сном, уткнувшись лицом в постель.

Даже звук открываемой Цзинь Линьюэ двери не разбудил его — судя по всему, он смертельно устал.

Тихо ступая, Цзинь Линьюэ подошел к кровати и нагнулся, чтобы снять с Бай Юйхуэя обувь.

Стоило его пальцам коснуться лодыжки, как Бай Юйхуэй тут же проснулся.

— Ты вернулся.

— Угу. Нанес лекарство, как себя чувствуешь?

Бай Юйхуэй моргнул:

— Гораздо лучше. Младший соученик, ложись тоже отдыхать, я подвинусь к стене.

Большая часть тела Бай Юйхуэя сейчас была неподвижна, поэтому передвигался он словно какая-то гусеница... выглядело это комично.

Цзинь Линьюэ не стал церемониться, разулся и лег с краю.

Они лежали: один уставился на резной потолок, другой — в стену, не зная, что сказать.

Наконец Цзинь Линьюэ не выдержал и заговорил:

— Ты явился сюда и вправду лишь для того, чтобы повидаться со мной?

Бай Юйхуэй хмыкнул в знак подтверждения.

— Ты всё еще дорожишь нашей прежней... привязанностью?

Бай Юйхуэй снова промычал то же самое.

— Тогда пообещай мне кое-что.

— О чем речь? — Бай Юйхуэй оживился.

— Брось службу. Найди любой предлог и уйди в отставку. Отыщи тихий уголок с красивыми горами и чистой водой...

Бай Юйхуэй горько усмехнулся:

— Младший соученик, всё остальное еще возможно, но это — исключено. По крайней мере, сейчас я не могу поступить так.

— Почему?

Бай Юйхуэй вздохнул:

— Получив чужое поручение, честно служишь до конца. Младший соученик, разве не по этой же причине ты затесался при дворе? Мы стоим друг друга.

Цзинь Линьюэ повернулся на бок, вглядываясь в затылок Бай Юйхуэя. Черные длинные волосы растрепались и беспорядочно рассыпались по подушке. Цзинь Линьюэ усмехнулся:

— Ты даже навел обо мне справки? Старший соученик, ты и вправду изо всех сил стараешься ради левого премьер-министра.

— Ну что ты, взаимно, делах моих сердечных. Младший соученик, ты ведь и сам выкладываешься по полной, иначе не оказался бы так быстро в лагере правого премьер-министра.

— Наши главари — злейшие враги. Ты полагаешь, мы сможем и дальше мирно уживаться? — продолжал Цзинь Линьюэ.

— Разумеется. Посмотри, разве мы сейчас не лежим на одной постели? Просто каждый служит своему господину. Младший соученик, при дворе царит мрачная тьма, будь осторожнее. Лучше переходи в наш лагерь, я смогу тебя защитить, — неожиданно воодушевившись, радостно произнес Бай Юйхуэй. — Всё, что может дать тебе правый премьер-министр, мы дадим с лихвой. К чему тебе надрываться ради него?

Цзинь Линьюэ покачал головой:

— Почему бы тебе самому не перейти к правому премьер-министру? С твоим-то умом...

— Если я предам его сегодня и примкну к правому премьер-министру, завтра же умру без погребения. Младший соученик, у меня лишь одна дорога в один конец, пути назад нет.

Наверное, это задело какое-то сокровенное струну в его душе, потому что Бай Юйхуэй продолжил:

— В Столице я прикидывался, будто незнаком с тобой, опасаясь, как бы наши не узнали, что нас связывает тесная дружба. Стоит им заподозрить тебя хоть на йоту, и они сделают всё возможное, чтобы избавиться от тебя.

— Зачем же тогда тебя понесло сюда за тысячи ли?

— Недоцениваешь ты меня. Столица — это клетка, но за ее стенами раскинулось свободное небо. Я, разумеется, подготовился самым тщательным образом, прежде чем отправиться навестить тебя. Младший соученик, у тебя свои трудности, у меня — свои горести. Я не лезу в то, как ты помогаешь правому премьер-министру, так не мешай же мне выполнять данное мной слово, договорились? Запомни лишь одно: я не причиню тебе вреда.

— Как такое возможно? Сейчас я — управляющий в министерстве обороны, а ты — министр чинов, рано или поздно мы столкнемся в схватке.

Бай Юйхуэй твердо произнес:

— Раз я сказал — значит, возможно. Доверься старшему соученику, я справлюсь.

Довериться тебе? Уж лучше поверить в то, что дворовые кошки перестанут воровать рыбу.

Цзинь Линьюэ не стал спорить и лишь тихо бросил в ответ:

— Я понял.

— Когда с распрями при дворе будет покончено, мы сможем делать всё, что душа пожелает. Старший соученик вернет тебе всё до крупницы, что задолжал за эти годы.

— Разве с дворцовыми распрями когда-нибудь будет покончено? — горько усмехнулся Цзинь Линьюэ.

— Будет. У всего на свете есть свой конец.

Бай Юйхуэй с трудом приподнялся на локтях, придвинул лицо вплотную к щеке Цзинь Линьюэ и с плутовской улыбкой произнес:

— Помнишь, как ты поцеловал меня в тот вечер?

Еще секунду назад Цзинь Линьюэ думал о придворных междоусобицах, но никак не ожидал, что в следующее мгновение Бай Юйхуэй переведет разговор на то недавнее мимолетное прикосновение губ.

От такого резкого поворота Цзинь Линьюэ на миг растерялся. Его взгляд остекленел, и он просто тупо смотрел на лицо Бай Юйхуэя, приближавшееся к нему всё ближе и ближе.

Еще меньше он ожидал, что, договорив, Бай Юйхуэй без лишних слов прямо поцелует его.

Это было тепло и сладко.

Глава 19

Погода выдалась на славу: солнце взошло ранним утром.

Когда Цзинь Линьюэ проснулся, Бай Юйхуэя и след простыл.

Хах, судя по всему, задница больше не болела.

Приведя себя в порядок, Цзинь Линьюэ отправился к министру общественных работ.

Поскольку ночью Плакса просыпался дважды и звал баюшку, министру общественных работ ничего не оставалось, как укладывать его спать вместе с собой.

Лишь под утро министр наконец забылся сном.

Когда Цзинь Линьюэ постучал в дверь, министр отпер ее с черными кругами под глазами.

— Господин, вы... это из-за чего же?

Министр общественных работ указал на малыша, спавшего на кровати:

— Не иначе как из-за его капризов.

— Не желаете ли еще немного вздремнуть? Я пока...

— Ни к чему. Присядь на минуту, я умою лицо, мне нужно кое о чем поговорить с тобой.

Цзинь Линьюэ послушно присел в стороне, ожидая, пока министр умоется.

Мальчик на постели то и дело во сне беззвучно улыбался — выглядело это очень мило.

— Эх, с этими детьми просто беда. Чуть что — режут, чуть что — смеются.

Цзинь Линьюэ очень хотелось вставить словечко, что иные люди обладают точно таким же нравом, и дело тут вовсе не в одних лишь детях — Бай Юйхуэй ведь точно такой же. Точнее сказать, прежний Бай Юйхуэй был именно таким.

— Я уже отправил правому премьер-министру донесение обо всем, что здесь происходит, и рассчитываю получить ответ через пару дней. А пока, по моему мнению, лучше бы нам обзавестись неопровержимыми уликами.

— Что имеет в виду господин?

— Эти пару дней забудьте о Дамбе Жиюэ, бросьте все силы на то, чтобы поднять прошлое господина Чжу на службе и выяснить, каким образом они вообще пробились наверх. Грамоте не разумеют, а чин занимают в открытую — если об этом рассказать, у людей животы от смеха полопаются.

Министр общественных работ поправил воротник и продолжил:

— Раз уж они вознамерились содрать шкуру с моего ведомства общественных работ, я переломаю им кости — вот это и зовется взаимной любезностью. Как по-твоему, прав я или нет?

Цзинь Линьюэ лишь усмехнулся, ничего не ответив.

Министр счел его просто застенчивым и с улыбкой добавил:

— Сейчас я приглашу обоих господ Чжу разделить с нами скромную трапезу, чтобы прощупать почву. Господин Цзинь, составь мне компанию.

— Слушаю и повинуюсь.

Младший стражник, отправленный с приглашением в поместье Чжу, вернулся с докладом уже спустя короткое время.

Надо же было случиться такому совпадению: за одну ночь оба господина Чжу слегли с недугом.

Управляющий поместьем Чжу передал, что вчера вечером они распивали спиртное на двоих и неизвестно как свалились с каменного табурета, переломав себе руки.

Старший господин Чжу, падая, инстинктивно утянул за собой младшего господина Чжу, используя его в качестве живого щита.

Младшему господину Чжу мало того что повредило обе руки, так еще и сломало два ребра, и теперь он вовсю орал благим матом в собственном особняке.

— Какое совпадение! Стоило нам только ими заинтересоваться, как они тут же слегли? Ты видел это своими глазами?

Слуга ответил:

— Докладываю вашему сиятельству — нет. Об этом поведал управляющий поместьем Чжу. Еще

он сказал, что позже они пришлют человека с дарами в знак извинения. Уходя, я специально расспросил стоявших у ворот слуг, и те подтвердили: господа действительно получили тяжелые травмы прошлым вечером и сегодня из дома выйти не смогут.

— Хорошо. Раз не могут выйти — сами навестим их.

Министр общественных работ прищурился, в его голове уже зрел план.

Люди из поместья Чжу вовсе не лгали.

Накануне вечером оба господина Чжу и впрямь перебрали хмельного и с грохнулись прямо посреди собственного двора.

Старший господин отделался легче, поскольку служил живым матрасом — у него пострадала лишь рука. Лекарь вправил кость и подвесил ее на перевязи, чтобы избежать смещения.

Когда министр общественных работ и Цзинь Линьюэ вошли, господин Чжу как раз сидел в беседке о восьми углах и просил молодую служанку положить ему еды в тарелку.

Поврежденная левая рука висела плетью, так что он даже не утруждал себя тем, чтобы орудовать палочками.

Цзинь Линьюэ молча цыкнул про себя.

Министр общественных работ держался куда спокойнее, привычный к подобным зрелищам.

Он провел Цзинь Линьюэ к воротам и стал ждать, пока господин Чжу, пытаясь, прибежит собственной персоной и отдаст положенные почести.

— Недостойный приносит извинения за то, что не вышел встретить вас издалека, прошу обоих господ простить меня.

Господин Чжу согнулся в полупоклоне, но долго ждал, однако высокие гости не спешили миловать его от поклонов, так что ему пришлось согнуться еще сильнее.

Наконец слишком тучный господин Чжу не выдержал законов природы и с глухим стуком ру на колени.

Стоявший рядом управляющий бросился поднимать его, но господин Чжу остановил того взмахом руки.

Только тогда министр общественных работ неторопливо произнес:

— Господин Чжу избавлен от поклонов, вставай же скорее.

Верный управляющий тут же кинулся снова поднимать господина Чжу с земли и зашептал:

— Не приказать ли мне вынести то, что было заготовлено?

— Живо неси!

Министр общественных работ усмехнулся:

— До нас дошли слухи, что господин Чжу хворает, вот мы и заглянули проведать. Интересно, как теперь себя чувствует господин? У меня припасено неплохое женьшеневое коренье, не приготовить ли отвар для укрепления сил?

— Благодарю ваше сиятельство за заботу.

— Хах, интересно, какое такое радостное событие приключилось ныне у господина Чжу, раз оба господина упились до такого состояния? Поведай нам, дай и нам порадоваться.

Говоря это, министр общественных работ направился к той самой беседке.

Следом за ним, семеня ногами, осторожно семенил господин Чжу:

— Нижайше виноват. Вчера я просто опрокинул пару чарок с надзирателем за дамбой Чжу, а потом поскользнулся на разбросанных во дворе мелких камнях и ушибся. В нынешние смутные дни я ни за что не осмелился бы устраивать пирушки ради забавы. Прошу господ взглянуть правде в глаза.

— Тяжело ли?

— Докладываю вашему сиятельству — нетяжело.

— Хах, нетяжело, а когда я велел тебе явиться на постоянный двор для доклада, ты стал отговариваться? Ты что, думаешь, я звал тебя кутить напропалую? — с гневом произнес министр общественных работ, излучая нешуточную властность.

Все присутствующие тут же осознали всю серьезность положения, и господин Чжу снова рухнул на колени.

Он зачастил без остановки:

— Прошу ваше сиятельство о милосердии, это я оплошал, я оплошал.

Прибежавший с маху управляющий вовремя преподнес парчовую шкатулку:

— Прошу прощения, ваши сиятельства, сегодня утром моему господину и вправду было нездоровится, лекарь только что наведывался и выписал новый рецепт. Наш господин прекрасно понимал, что отказываться от приглашения высоких гостей некрасиво, а потому приказал мне приготовить этот скромный дар в знак раскаяния.

Министр общественных работ улыбнулся:

— В знак раскаяния? Господин Цзинь, взгляни-ка, что там внутри.

Цзинь Линьюэ откинул крышку шкатулки: внутри лежал целый набор искусно сделанных золотых чаш и палочек.

Стоили они немало.

— Ценная вещь? — спросил министр общественных работ.

— Ценная, — ответил Цзинь Линьюэ.

— Отлично, забирай.

— Слушаюсь.

В уголках рта господина Чжу промелькнула улыбка.

Хех, высокие чины при дворе все до единого одинаковы — кто же откажется от блеска золота.

Полагая, что буря миновала, господин Чжу попытался подняться с земли, как вдруг прогремел грозный окрик министра общественных работ:

— Кто разрешал тебе вставать?

Колени господина Чжу помимо его воли вновь согнулись.

— Спрашиваю тебя: назначение надзирателя за дамбой — твоих ли рук дело? Проходил ли он базовую проверку? Хотя двором и дозволено назначать местных чиновников самостоятельно, избежать обязательных тестов не может никто. Ступай и принеси мне экзаменационные свитки тех лет, я намерен лично всё перепроверить.

У господина Чжу сердце ухнуло вниз, но он выдавил улыбку:

— Докладываю вашему сиятельству: когда прорвало Дамбу Жиюэ, вода хлынула с такой силой, что архив превратился в месиво, боюсь, сейчас те бумаги уже не отыскать.

— Хах, какая удача! Поместье господина Чжу выглядит так, словно стихия его даже не коснулась, а архив смыло так начисто, что не сыскать ни единого свитка? Господин Чжу, ты принимаешь меня за трехлетнего ребенка? Ступай и ищи! Ройся хоть в грязи, но найди мне эти бумаги. Я буду сидеть здесь и ждать.

Министр общественных работ пригласил Цзинь Линьюэ присесть рядом, настраиваясь на долгое ожидание.

— Ваше сиятельство, сейчас все люди брошены на помощь жителям в восстановлении жилья, свободных рук попросту не осталось...

— Тебе позвать помощника?

Господин Чжу испуганно поднял глаза и увидел во дворе знакомую фигуру.

— Чжу Чжао, помоги господином Чжу разыскать архив, согласен?

— Слушаюсь, ваше сиятельство! Идемте, господин. — Белоснежные зубы Чжу Чжао ярко сверкали на солнце, а улыбка была необычайно мила.

Смирившись с неизбежным, управляющий под руки поднял господина Чжу с земли, и они вместе с Чжу Чжао направились к архиву.

Стоило им покинуть внутренний дворик, как Цзинь Линьюэ задал вопрос:

— Зачем министр так упорно добивается именно экзаменационных свитков? Если младший господин Чжу не умеет писать, можно просто заставить его вывести пару строк прямо на месте.

Министр общественных работ, проявив умудренную опытом хитрость, пояснил:

— Раз они умудрились так вовремя сломать руки, то с тем же успехом могут вовремя разучиться писать. Сперва заполучим те свитки, которые нельзя подделать. Даже если он временно не сможет писать под нашим надзором, наступит момент, когда придется — не станет же он ради маскировки рубить себе руки. Сначала нужно взять под контроль вещественные доказательства.

— Мудрость господина поражает.

— Со временем ты всему научишься. Чем больше времени ты даешь таким старым лисам, тем изощреннее они скрывают концы в воду. Не давай им перевести дух — только так удержишь инициативу в своих руках.

— Разве этот господин Чжу не принадлежит к ведомству... — Цзинь Линьюэ замолк, подбирая слова.

Министр общественных работ тихо рассмеялся:

— Подобные мелкие сошки не стоят того, чтобы мое ведомство общественных работ изо всех сил защищало их. К тому же, он подставил меня, и даже если император не накажет его, я не намерен терпеть под боком такой источник опасности. Брошенная пешка — о ней не стоит жалеть.

— Мы возьмём его под стражу и доставим обратно или вернемся в Столицу и подождем, пока император пришлет людей?

— Не спеши, ответ от правого премьер-министра прибудет со дня на день, посмотрим, что он отпишет, и тогда решим.

— Хорошо.

Они просидели в беседке почти весь день.

Наконец растолстевший господин Чжу и вспотевший Чжу Чжао вернулись.

На руках у Чжу Чжао действительно виднелись следы грязи — судя по всему, архив и впрямь пострадал от наводнения.

— Ваше сиятельство, вот свитки надзирателя за дамбой.

Пусть на документах и остались следы глины, ознакомиться с их содержимым это ничуть не мешало.

Потому что содержание оказалось до крайности скудным, простым и смехотворным.

Там значилось всего три иероглифа.

Чжу Сяо-эр.

Надзирателя звали Чжу Сяо-эр.

Какой смысл в чиновничьих экзаменах, если на бланке кандидата начертано лишь чье-то имя?

И самое главное — подобную работу утвердили.

Стиснув пальцами листок с этими тремя иероглифами, министр общественных работ поднялся, вышел из беседки и произнес:

— Господин Чжу, несколько месяцев назад при дворе Министр чинов произнес всего три слова, и император тотчас обезглавил прежнего министра обороны. Три слова — одна жизнь. Ты что, тоже решил последовать этому примеру, определяя на должность тремя иероглифами?

У господина Чжу в глазах поплыли круги, ноги задрожали. Чжу Чжао заботливо придержал его под локоть, не давая рухнуть на землю.

— Те три слова, сказанные тогда Министром чинов, были: «Казнить не колеблясь». А твой Чжу Сяо-эр из экзаменационного свитка так и норовит превзойти учителей. Господин Чжу, до чего же ты дерзок!

Тут господин Чжу уже не думал о помощи Чжу Чжао: он оттолкнул его руку, рухнул на колени и завопил:

— Помилуйте, ваше сиятельство! Недостойный осознал свою вину!

Пропустив эти вопли мимо ушей, министр общественных работ продолжил:

— Поначалу я полагал, что ты просто воспользовался служебным положением и подошел к делу спустя рукава, и нам еще придется вызывать сюда младшего господина Чжу для допроса. Но ты избавил нас от лишних хлопот, так что, пожалуй, я могу даже не утруждать себя вызовом младшего господина. Глядя на эти три кривых иероглифа, можно подумать, что их просто срисовали по трафарету?

От того, кто не способен даже написать собственное имя, глупо было ожидать выдающихся талантов.

— Господин Чжу, у вас прекрасное поместье, продолжайте жить в нем в свое удовольствие.

— Пощадите, ваше сиятельство, я больше никогда не посмею! Я готов отдать всё нажитое за эти годы до последней монеты, только умоляю о пощаде!

Министр общественных работ резко обернулся и усмехнулся:

— Оставьте эти речи для будущего судебного разбирательства. Господин Чжу, мы возвращаемся.

Цзинь Линьюэ прижимал к груди парчовую шкатулку с золотой посудой и посмотрел на министра.

Тот бросил:

— Оставь при себе. Разбить чужую чашку усердия золотой шкатулкой того же господина Чжу — самое то.

Чжу Чжао последовал за высокими господами из поместья Чжу и уже собирался откланяться.

Вдруг он вспомнил, как мать перед выходом наказала ему непременно пригласить обоих сановников зайти в гости, дабы соблюсти приличия.

Набравшись храбрости, Чжу Чжао произнес:

— Не найдется ли у уважаемых господ свободного времени заглянуть ко мне в дом?

— Зачем? — спросил министр общественных работ.

<http://bllate.org/book/21823/2259737>